Кугель А.

22/11/89

299

Вет. Ленинград — 22.08.1989 — ТЕАТРАЛЬНЫЙ АРХИВ

ЧЕСТНОЕ ЗЕРЦАЛО

«Довлеет критику быть апостолом, а не ересиархом... Не развешивать уродств, а добывание совершенств — вот цель всякого, кто служит... искусству» — так писал в начале века крупнейший петербургский театрал критик Александр Кугель. В августе ему действительно апостолу русского сценического искусства основателю журнала «Театр и искусство», театра «Кривое зеркало», исполняется 125 лет.

Столько лет прошло, а строки, которые Кугель посвящал театру, не теряют актуальности. Вчитайтесь, для примера, в передовую статью «Театра и искусства» от 3 июля 1905 года.

1905, № 27 (ред.)

С.-Петербург, 3 июля.

Теперь мы уже точно знаем репертуар Александринского театра на будущую зиму: одна пьеса Ибсена, «Вишневый сад», Чехова, «Измена» Сумбатова, «Злая сила» Майской, «Упразднители» Боборыкина и две пьесы Островского... Это именно то, что называется: «покорно благодарим-с!...». Репертуар? Но тогда всякое собрание пьес, последовательно сменяющих одна другую, уже имеет право называться репертуаром?

Сказанным мы вовсе не имеем в виду отметить неудовлетворительность той или иной из названных пьес в отдельности. Наоборот, Ибсен всегда интересен. «Вишневый сад» — пьеса, пользующаяся большим вниманием. Но все взятое вместе — как сие понимать надлежит?

Руководители театра, предвидя, очевидно, возможность такого вопроса, постыдились создать в оправдание своего образа действия целую теорию и в ответ на вопросы изумляющихся и негодующих говорят теперь так: пусть частная антреприза следует капризам меняющейся моды, пусть она декаденствует, извращается, пусть бросается на сомнительные новинки, а образцовая сцена на то и образцовая, чтобы при всех условиях оставаться верной себе.

Дело образцовой сцены — покойно и вне воздействия влияний минуты «насаждать» строгое искусство. Образцовая сцена имеет дело только с тем, что установилось, что имеет за собой традицию, что является плодом мирного, постепенного развития...

В свободную минуту на такую тему можно наговорить сколько угодно благоглупостей, но кого они убедят? Самоутешение не менее курьезное, чем источник, откуда оно берет свое начало. Этот источник — бессилие. Бессильные понятия влечению времени, бессильные выбрать в массе нового наиболее талантливое и живое, бессильные развиваться вместе с развитием сцены, руководители театра принимают свое бессилие за знамя и сколько могут крепко сжимают его в своих бессильных руках.

Они ведь убеждены, что держат в руках знамя, а между тем это только фиговый листок, плохо прикрывающий их наготу.

Ставят те пьесы, которые удается находить без особых напряжений ума, таланта, энергии. Ставят одни пьесы, а не другие, потому что «так случилось». Подвернись под руку другие пьесы, были бы поставлены другие. Ставят все, что угодно, но только после того, как уже другие вложили в пьесу свою душу и ум. Только бы ничем не проявить своей

личности, только бы не дай бог не надорваться на казенной службе...

Оттого так все мертво, неинтересно. Наступает сезон — надо что-нибудь ставить, вот и ставят. Говорят, «Вишневый сад» хорошая пьеса? Поставим «Вишневый сад»! А вот нет ли еще какой-нибудь «Жанины»? Ну, все равно, теперь, кажется, нравятся «Сольнес»? Не забыть бы «Измены», а то ведь костюмы уже готовы. Может быть, кто-нибудь из своих закончит пьеску — чем не репертуар? Кстати, непременно хоть одну вещьцу древнегреческую. Публика, знаете, эти греческие истории все-таки любит...

Грустная картина! Была как-то сделана попытка учредить репертуарный совет, но из этого ровно ничего не вышло. И совершенно понятно почему: артисты, входившие в состав совета, сразу поняли, что это только так, чтобы было потом на кого сваливать ответственность за неудачи, а что все равно основные принципы ведения дела останутся все те же. Чего же ради и кому охота отдавать себя на пропятие? И артисты в большинстве взглянули на свое участие в совете как на случай устраивать свои собственные делишки по части распределения и захвата новых ролей...

А частные театры за это время успели уйти далеко-далеко вперед. Пусть и ничтожны их средства, пусть и слабы их силы, но богатой и влиятельной образцовой сцене уже не догнать их...

Зачем же тогда все эти затраты и вся эта огромная машина!..